

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И СУДЬБЫ РУССКОГО МИРА

RELIGIOUS AND MORAL TRADITION OF RUSSIAN PHILOSOPHY AND THE FATE OF THE RUSSIAN WORLD

E. Mochalov
M. Eldin
M. Gryzhankova

Summary: In Russian ethical thought primary attention was paid to the practical aspect of the idea of traditionality, ways of its implementing. The works of thinkers of Medieval Russia expressed a call for active concern for the welfare of another person (Vladimir Monomakh), active philanthropy, which was considered as the basis of piety («The Word about ordeals»). The issues of the essence of human value (Joseph Volotsky), the greatness of the mind (Daniel Заточник), the perfection of the spirit (Nil Sorsky) were also covered. Dialogic ethics of M. Bakhtin, considering the sphere of intercultural interaction, offers a new understanding of the space of practical implementation of the principle of focusing on active care for the well-being of a person.

Keywords: dialogue, tradition, Russianness, counterculture, philosophy, ethics, Russian spirituality.

Мочалов Евгений Владимирович

*Д.ф.н., профессор, Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарёва, г. Саранск
mochalov_ev@mail.ru*

Елдин Михаил Александрович

*Д.ф.н., профессор, Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарёва, г. Саранск*

Грыжанкова Марина Юрьевна

*Д.ф.н., профессор, Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарёва, г. Саранск*

Аннотация: В российской этической мысли большое внимание уделялось практическому аспекту идеи традиционности, путям претворения ее в жизнь. В этой связи произведения мыслителей Средневековой Руси выражали призыв к активной заботе о благе другого человека (Владимир Мономах), деятельному человеколюбию, рассматривавшемуся как основа благочестия («Слово о мытарствах»). Также освещались вопросы сущности человеческой ценности (Иосиф Волоцкий), величия разума (Даниил Заточник), совершенствования духа (Нил Сорский). Диалогическая этика М.М. Бахтина, рассматривая сферу межкультурного взаимодействия, предлагает новое осмысление пространства практической реализации принципа деятельной заботе о благе человека.

Ключевые слова: диалог, традиция, русскость, контркультура, философия, этика, российская духовность.

Основной формой выражения идеи философичности в религиозной мысли Средневековой Руси стало представление о христианской добродетели как принципе, требующем активной заботы о благе другого человека, деятельного человеколюбия. В этой форме она ярко проявляется в «Поучении» Владимира Мономаха, призывавшего помогать сиротам, вдовам, нищим, странникам, защищать человека от притеснения «сильных», чтить старых «как отца, а молодых, как братьев» и т.д. [1]. Деятельное человеколюбие средневековый русский человек рассматривал как основу благочестия: «благочестивым он считал не того, кто проводит время в постах и молитвах, но того, кто добродетелен в жизни» [4, 55].

По нашему мнению, непосредственной основой признания высшей ценности человеколюбия выступала христианская идея о подобии человека Богу, что нашло яркое отражение в работах Иосифа Волоцкого [7]. Особая значимость придавалась также человеческому разуму (Даниил Заточник). В философии Древней Руси рассматривалась и проблема совершенствования чело-

века, его ума (Владимир Мономах) и духа (Нил Сорский). Безусловно, во всех этих идеях сохраняется присутствие основной гуманистической традиции – ориентации на деятельную заботу о людях.

Следует подчеркнуть, что со временем эта традиция только укрепляется. Как показывает анализ русских проповедей XVII в., любовь в них предстает не только главной добродетелью христианина, но и основой других его добродетелей. В этой связи очень интересно определение М.М. Бахтина относительно места культурных традиций в контексте духовного развития общества: «Каждое явление культуры конкретно- систематично, то есть занимает какую- то существенную позицию по отношению к преднаходимой им действительности других культурных установок...» [2, 46]. Причем, если в католических проповедях этого периода любовь к ближнему рассматривалась как уважение его интересов, непричинение ему вреда, то в православных проповедях она понималась именно в ее деятельном аспекте, как сострадание, милостыня, бескорыстная помощь [10, 153]. Рассматривая эту особенность русской гуманистической мысли на

примере подвижничества, Котельников В.А. называет ее харитативной обращенностью к миру (*χαρις*), любовным служением миру [9, 55].

В XVIII в. направленность на заботу о благе человека четко прослеживается в формирующихся в русской этике под влиянием Запада светских формах идеи гуманизма (М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, Н.И. Новиков, А.Н. Радищев). Она выражается в отмечаемом исследователями [6, 93] придании основной значимости морали, в установлении приоритета нравственности (духовности) над разумом.

Влияние ориентации на деятельное человеколюбие прослеживается и в светских направлениях отечественной мысли первой половине XIX в. Опыт переживания граней чувственной природы этой ориентации представлен в эстетическом гуманизме русских романтиков Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского. Он выражается и в призывах В.Г. Белинского к практической деятельности как сущности нравственности в его конкретном гуманизме.

В то же время, не найдя достаточных оснований для деятельного человеколюбия в светских идеях российской философской мысли в поисках его глубинной природы в XIX в. обращается к религиозной и метафизической тематике. В этом контексте выделились два основных направления. Первое сосредоточилось на исследовании предельных форм выражения этого принципа. Оно было представлено «этикой непротivления злу» Л.Н. Толстого и «этикой абсолютного добра» Ф.М. Достоевского. Второе направление сконцентрировалось на выявлении особой природы взаимосвязи людей как источника и пространства реализации этого принципа. К нему относится учение о едином христианском человечестве и всеобщем нравственном законе П.Я. Чаадаева и «этика соборного добра» В.С. Соловьева. Это направление, ставшее особенно популярным, получило свое развитие и в первой половине XX в. (Л.П. Карсавин, С.Л. Франк, С.А. Левицкий, Б.П. Вышеславцев). В этот же период формируется еще одно самостоятельное направление, связанное с исследованием метафизического статуса человека как основы его подлинной морали, нацеленной на заботу о благе людей. Речь идет об эсхатологической этике творчества Н.А. Бердяева и богочеловеческой этике С.Н. Булгакова.

Вместе с тем, представители евразийского направления в философии России критически рассматривали специфику российского развития и становление русской государственности в тюркских регионах. В трудах евразийцев неоднократно высказывается идея о многогранных и многоаспектных связях русских и тюрков, повлиявших на судьбы российской духовной традиции: «Пример монголо-татарской государственности (Чин-

гисхана и его преемников), сумевшей овладеть и управиться на определенный исторический срок огромной частью Старого Света, несомненно, сыграл большую и положительную роль в создании великой государственности русской. Широко повлиял на Россию и бытовой уклад степного Востока. Это влияние было особенно сильно с XIII по XV век [14, 18].

Историческое взаимодействие тюрков и славян философы-евразийцы воспринимали как обычный феномен не только межцивилизационного диалога, но прежде всего как отличительная особенность российского общественно-исторического пути развития. После распада и упадка тюркских ханств, осколков Золотой Орды, Россия становится естественным восприимчивым могущественной Золотой Орды, а не только византийской имперско-православной традиции. Современный исследователь историософских проблем евразийства С.Н. Пушкин отмечает: «Русская государственность могла стать преемницей монголо-татарской государственности в связи с тем, что лишь на Руси ее дух и идеи получили достойное преобразование в национально-религиозной форме» [13, 50].

И действительно, российско-тюркское взаимодействие носит «непрессованный» характер. Россия воплотила в реальной социальной практике принцип религиозной толерантности и полиэтничности, чего достаточно сложно проследить в государствах, сходных по геополитическому расположению своих территорий с Россией. В этом отношении справедлива я мысль, высказанная выдающимся евразийцем Н.С. Трубецким в его работе «Наследие Чингисхана»: «Московский царь, оказавшийся носителем ...новой формы татарской государственности, получил такой религиозно-этический престиж, что перед ним поблекли и уступили ему место все остальные ханы западного улуса» [16, 242].

В советское время в официальной этике произошел отход от российской гуманистической традиции. В 60-х годах вводится понятие социалистического гуманизма как воплотившейся в советском государстве промежуточной стадии между буржуазным гуманизмом и коммунизмом. Выступая в качестве идеологии пролетариата, он выражал высшую ценность не человека, а этого класса, поскольку именно этот класс должен был путем борьбы с эксплуататорами привести общество к коммунизму. Идея гуманизма в ее традиционном российском понимании ярко проявилась в неортодоксальной этической мысли. Например, диалогическая этика М.М. Бахтина, рассматривая сферу межкультурного взаимодействия, предлагает новое осмысление пространства практической реализации принципа направленности на деятельную заботу о благе человека.

Противоречивость действительности в оценке в

оценке понятия традиции была отмечена еще в исследованиях М.М. Бахтина. Он назвал подобные явления реальности полифонией, объединяющей «статические» и «динамические» черты в описываемой исследователем практике. В диалоге культур, по Бахтину, возможно выйти до предела данной культуры, то есть выйти к исходным, первоначальным, вечным вопросам и ответам. При этом «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полней и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше). Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» [2,333].

Поясним, что идея российской специфики и «судеб русского мира» была одним из основных объектов рассмотрения в этической мысли России. Отличительной особенностью российской философской традиции, одновременно составившей и ее важнейшее достижение, является осуществленный ею глубокий анализ путей практического воплощения идеи человека как высшей ценности в отношении человека к другим людям. К числу основных рассматривавшихся форм ее выражения на этом уровне были любовь, добродетельность, милосердие, обращенность человека к миру, его нацеленность на благо каждого человека и всего общества (общее благо). Не ограничиваясь уровнем анализа индивидуально-отношения человека к людям, российская этическая мысль разрабатывает проблему выражения идеи гуманизма на уровне всей системы человеческих взаимоотношений, исследуя такие связанные с ней феномены, как соборность, всеединство. Основным содержанием нравственных требований к человеку, определявшихся российской религиозно-нравственной традицией, была сама идея «русского мира», представавшая в роли принципа должного отношения к людям.

Общей чертой российских форм идеи морали является их направленность на взаимоотношения людей, на человечество как единое целое, что позволяет говорить о выраженном в них особом глобалистическом типе этой идеи. По словам М.А. Маслина, «XX век внес в российский исторический процесс особенно тяжелую череду беспрецедентных переломов, взлетов и падений, отрицаний и потерь... Россия как бы втянулась в поставленный историей грандиозный и мучительно затянувшийся эксперимент на выживание» [11,50].

Такие перспективы грозят распадом государства, социальной общности и усилят межрегиональные экономические, культурные и этнополитические диспропорции. Судьбы духовности тех или иных этнокультурных общностей – проблема весьма сложная и невозможно ее разрешить, не опираясь на исследования исторического

контекста наследия.

Распад государств исторически не является чем-то новым, этот для кого-то печальный процесс – естественное явление, особенно для имперских систем. Сохранение единства России становится проблемой не менее злободневной нежели укрепление «единения народов СССР», в XXI веке выживание столь обширного унитарного государства представляется маловероятным. По словам Ю. Бохеньского, «современная духовная ситуация не дает оснований для прометеевских представлений, для веры в человеческое всемогущество...». [5,98].

Общественная мысль, отображая прошлую и настоящую общественную жизнь в то же время сама влияет на нее, нередко предугадывая ее дальнейшее развитие, содействуя ее активизации, вызывая новые общественные движения- или, наоборот, замедляя ее, способствуя консервации идей и взглядов. В общественной мысли присутствует и прошлое и настоящее, и будущее - хотя бы в виде различного рода прогнозов, утопий и т.д. Как четко заметил В.А. Сендеров относительно культурного концепта «русского мира», многое оказалось драматичным для судеб традиций российской духовности: «панславизм абстрактной идеей отнюдь не является...привел страну к поражению и к гибели. Близкая к панславизму идеология «русского мира» не может с ним все-таки совпадать. Мощным корректором выступает советский менталитет» [15, 138].

Укажем, что общественная мысль представляет собой динамическую систему взглядов определенного класса, социальной группы или общества в целом. Необходимо при этом подчеркнуть явственно подразумеваемый факт зависимости общественной мысли от породившей ее общественной жизни, общественных отношений. В России материальной стороне жизни отводилось второстепенное место. Эта позиция приобретала довлеющее значение, когда проводилась политика изоляционизма и утверждение мессианизма. Однако тенденции современного культурного сознания и интеграция в мировое пространство, где господствуют довольно высокие запросы к материальному потреблению, оставляет мало надежды на сохранение единого пространства не только бывшего СССР, но и современной России.

В современную эпоху широкое распространение получила массовая потребительская («рыночная») культура, для которой характерно доминирование материальных (потребительских) ценностей и уменьшение значимости нематериальных ценностей. Снижение уровня духовности культуры отражается и на моральном сознании людей, приводя к уменьшению значимости в нем нематериальных ценностей и увеличение важности материальных.

Снижение духовности личности и общества имеет целый ряд негативных последствий. Исследователи связывают с этим утрату базовых смысложизненных ориентиров человека, рост напряженности и конфликтности отношений, деградации социума (разрушение социальных связей). Это влияет и на экономику. Преобладание своекорыстных, собственнических интересов ведет к радикализации естественного для рынка «экономического эгоизма», отходу от принципов сотрудничества и ориентации на неограниченное обогащение любыми средствами. Некоторые исследователи видят в этом основную причину мирового финансово-экономического кризиса [12, 123]

Именно духовные ценности образуют основу внутреннего мира человека, являются выражением его индивидуальности. Нивелирование их значения в моральном сознании индивида ведет к опустошению его личности. Духовные ценности являются важной основой и одним из источников социальной взаимосвязи людей. Это отмечается в российской этической мысли [5, 45] и находит подтверждение в исследованиях в области нейробиологии [17]. Поэтому снижение их значимости в обществе ведет к разрушению социальных связей. Угроза индивидуальности человека и угроза положительным (конструктивным) человеческим взаимоотношениям являются главными вызовами духовного кризиса человеку.

Негативная роль духовного кризиса проявляется также и в том, что, по всей видимости, он является глубинной причиной возрастания роли масс и даже тенденции к формированию глобальной политической системы, основанной на подчинении личности. Опустошение внутреннего мира человека, его личности, реализуясь в обществе в больших масштабах, ведет к формированию «человека массы», описанного Ханной Арендт. Переоценка материальных ценностей, устремленность к ним и к власти как к средству их приобретения лежит в основе желания некоторых сетевых и классических политических элит сформировать глобальную систему господства. Это делает духовный кризис главной глобальной проблемой современности.

Каковы перспективы использования гуманизма для противодействия кризису духовности? Рассматривая этот вопрос нельзя обойти вниманием критические замечания некоторых современных мыслителей в адрес утверждаемой им идее свободы человека. Ее подробное изложение представлено в работах современных глав православной и католической конфессий – патриарха Кирилла и папы римского Франциска XVI. Они указыва-

ют на то, что одного утверждения человеческой свободы не достаточно для преодоления духовного кризиса, что для этого свобода должна объединяться с нравственностью, со сферой моральных требований и ограничений.

Безусловно, многие западные исследователи отмечают, что России для того, чтобы достичь постиндустриальной фазы развития в соответствии с ее реальными природными особенностями потребуется десятки лет упорной работы, громадных капитальных вложений. Не существует на сегодня уверенности, что общество найдет в себе сил для того, чтобы осуществить такую грандиозную программу вторично. Данная критика направлена на традиционализм как мировоззрение. Имеющиеся в ней нравственные требования имеют характер мировоззренческих ориентиров, а не морального долга. Гуманизм как мировоззрение в действительности не содержит и не может содержать ни самостоятельной сферы нравственных требований, ни сферы феноменов воли, необходимых для следования им. Данные сферы могут существовать и иметь самостоятельную силу и значение лишь в системе морали. Таким образом, данная критика гуманизма является дополнительным свидетельством в пользу необходимости разработки его как морали, которая будет содержать все необходимое для обеспечения человека надежной системой нравственных ориентиров.

Таким образом, главными вызовами духовного кризиса человеку является угроза индивидуальности человека и угроза положительным (конструктивным) человеческим взаимоотношениям. По мысли М.С. Кагана, «духовность – это атрибут человека как субъекта..., а бездуховность – признак утраты личностью ее субъективных качеств и ее вырождение в простой субъект в подобие животного или механизма» [8, 136].

Для эффективного противодействия им необходимо, чтобы мораль гуманизма формирующегося глобального общества основывалась и на индивидуалистическом, и на глобалистическом типе идеи гуманизма. Ее индивидуалистическая основа будет способствовать утверждению и защите человеческой индивидуальности, обоснованию необходимости развития разума, интеллектуальных и творческих способностей человека, обогащению его внутреннего мира, освобождению и развитию духа, формированию стремления к самосовершенствованию, в том числе духовно-нравственному, и самореализации. Ее глобалистическая основа – ориентации людей на конструктивные взаимоотношения, сохранению их положительной взаимосвязи.

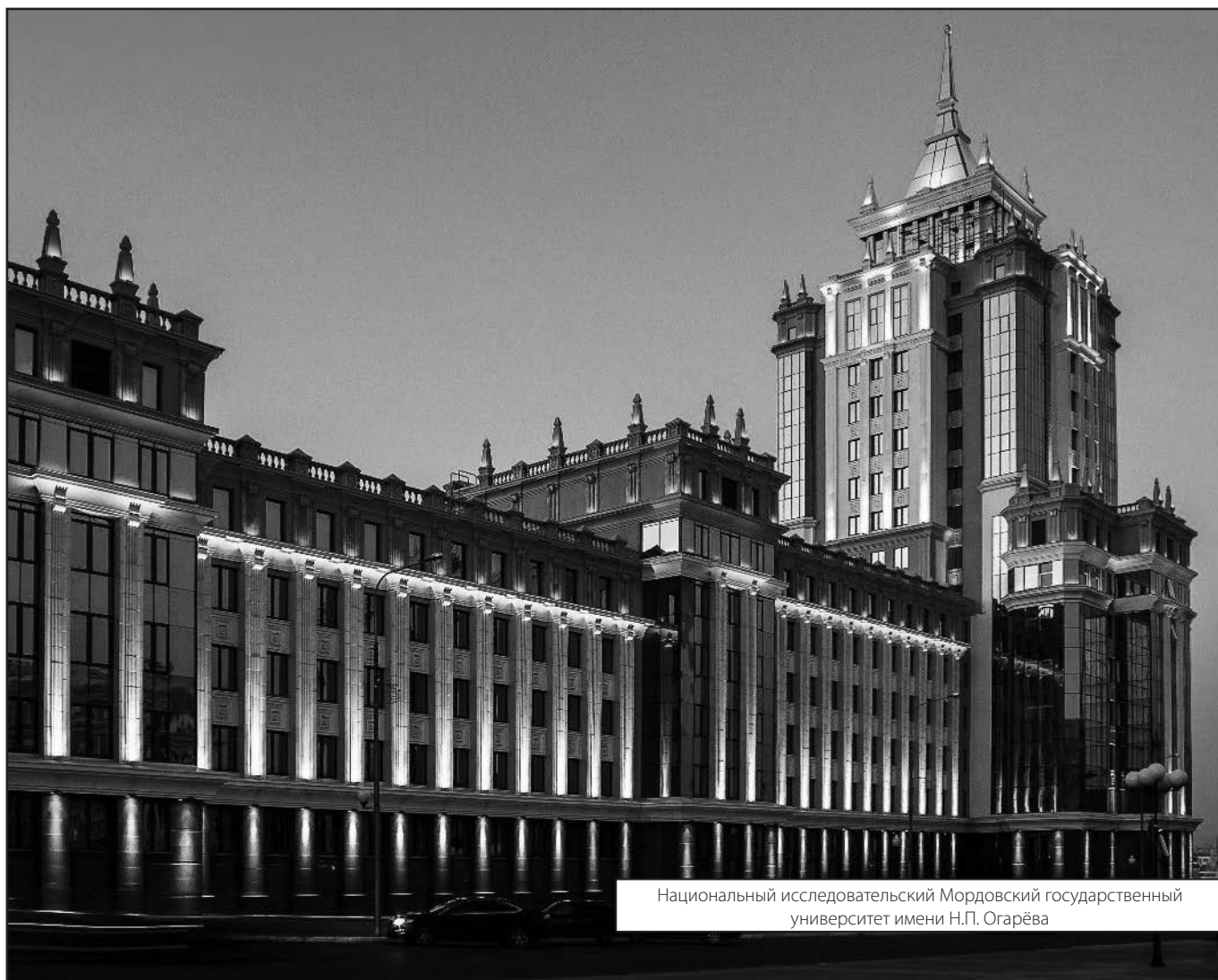
ЛИТЕРАТУРА

1. Антология мировой философии. В 4-х т. – М.: «Мысль», 1969. Т. 1 (2). – 700 с.
2. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Худож.лит, 1986. – 543 с.

3. Бубер Мартин. Два образа веры: пер с нем. — М.: Республика, 1995. — 464 с.
4. Замалеев А.Ф. Философская мысль в Средневековой Руси (XI-XVI вв.). — Л.: «Наука», 1987.
5. Духовное производство: Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности / [Отв. ред. В. И. Толстых]. — М.: Наука, 1981. — 134 с.
6. Зеньковский В. В. История русской философии. — М.: Академический Проект, Раритет, 2001. — 93 с.
7. Иосиф Волоцкий Просветитель. — М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. — 68 с.
8. Каган М.С. системный подход и гуманитарное знание: Избранные статьи. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. — 384 с.
9. Котельников В.А. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. — М.: Прогресс-плеяда, 2002. — С. 54-55.
10. Корзо М.А. Образ человека в проповеди XVII века. — М.: ИФРАН, 1999. — 153 с.
11. Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. — СПб.: Изд-во русской христиан. гуманитар. академии, 2017. — 526 с.
12. Петросян Д., Фаткина Н. Экономический эгоизм и гуманизация экономики // Вопросы экономики. 2010. № 8. — С. 123-131.
13. Пушкин С.Н. Историсофия евразийства. — СПб, 1999.
14. Савицкий П. Евразийство. Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн// Византизм и славянство: великий спор. — М.: Эксмо Пресс, 2001.
15. Сендеров В.А. «От Всеславянской федерации» к русскому миру// вопросы философии, 2015. -№3. — С. 138-139.
16. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. — М., 2000.
17. Moll, J., and de Oliveira-Souza, R. «Extended Attachment» and the Human Brain: Internalized Cultural Values and Evolutionary Implications //The Moral Brain: Essays on the Evolutionary Neuroscientific Aspects of Morality / edited by J. Verplaetse. Heidelberg; — London; New York: Springer Science+Business Media B.V., 2009. — P. 69-85.

© Мочалов Евгений Владимирович (mochalov_ev@mail.ru), Елдин Михаил Александрович,
Грыжанкова Марина Юрьевна

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва